

- У, нечистая сила, натоптал-то, натоптал, бесстыжий, своими ножищами.

Поломойщица, старая высохшая бабка, яростно выжала тряпку и расстелила ее прямо перед Михом.

- Ноги вытирай, подлая душа.

Орчук послушался. Зря она так, ему самому совестно было. Хоть и не один он тут грязь развел, с того злосчастливого пожара людей хаживало порядочно, но свою осязаемую лепту внес. Не стал роптать или оправдываться, чужой труд Мих уважал, ноги вытер, а после еще и поднял, пока под ним вытирали.

Сидел орчук в приемной самого обер-полицмейстера, аккуратно напротив кабинета. Внутри не пошел, там вдоволь людей важных набилось. Тем паче от постоянного хлопанья и беготни дверь не плотно затворили, и помимо того, что в щелочку многое видно, еще и слышно все было в лучшем виде.

- И что теперь, каждый раз, когда красного петуха увидите, сразу на Аристовых будете думать?
- Возмутился, причем, как показалось Миху, искренне, привезенный глава дворянской семьи.

- Павел Мстиславович, давайте не будем нервничать, - голос Его превосходительства звучал ровно, но вместе с тем твердо. - Поймите, надо мною сам великий князь, вечером все газеты трубить будут, что найденные сокровища Имперского музея сгорели при пожаре. Вынуждены отрабатывать все варианты.

- Могли бы попросту спросить, а не везти сюда. Не думали же, что убегу? Александр Александрович, - Аристов повысил голос, заметив, что его шутка не произвела должного эффекта, - побойтесь Бога, ну какой я преступник?

- Никто не говорит, что именно вы.

- Ага, но кто-то из моих, - даже смотря на спину дворянина, Мих понял, что тот улыбнулся, - нет, боюсь, что разочарую вас, Ваше превосходительство.

- Почему же?

- Потому что Аристовы ездили на званый ужин к Приклонским. Уж можете у последних спросить, они на память никогда не жаловались.

- Все ездили?

- Все, владеющие даром. Надеюсь, мои внуки-груднички вне подозрений.

Александр Александрович досадливо крикнул. Как понял орчук, не потому что Аристовы оказались непричастны к пожару, сколько по другой причине - он на виду не только у своих подчиненных, те будут молчать, а вот перед самым острым на язык аристократом сел в лужу. Последний этого точно не спустит.

- Прошу прощения, Павел Мстиславович, - совершенно бесцветным голосом закончил обер-полицмейстер, - Николай Соломонович проводит вас.

Аристов встал, слегка поклонился сначала Его превосходительству, потом каждому Константину Никифоровичу, пожал руку Меркулову.

- Честь имею, господа. Ежели что еще полыхнет, вы знаете, где меня искать.

Он вышел в приемную, скорчил рожу оторопевшему Миху и сопровождаемый «гусаром» направился к лестнице. Секретарь Его превосходительства, молодой прыщавый юнец, сидевший за столом в двух шагах от орчука, притворил дверь, но сделал это не очень прилежно, оставив ощутимую щель. Орчук встретился с ним взглядом, после чего служивый вдруг пошел краской, и потомок кочевников чуть не улыбнулся – так этот тоже подслушивает.

- И что же, спрашивается, за человек там был?

- Кто угодно, – ответил оставшийся полицмейстер, – я вот в цирке полгода назад видел, как один дуралей завернулся в негораемый плащ, облил себя керосином и поджег. Потом скинул его, а на теле ни одной подпалины.

- Да и мало ли, могло померещиться старухе сослепу, – впервые подал голос Меркулов.

- Эх, что ни день, то загвоздка. Ладно, Витольд Львович, давай теперь ты рассказывай обо всем по порядку. Что там выяснить удалось?

Меркулов поведал обо всем в считанные минуты. Орчук слушал, восхищался слогом хозяина, но из головы не выходила та вещица, которую господин поднял. Будто жучок в голове какой появился и тревожит, и тревожит, мочи никакой нет.

- Ну это успех, Витольд Львович, какой-никакой. Всего и делов-то, теперь накажем филерам в Захожей этого Элариэля арестовать. Это так, чтобы подозрения не вызвать, – объяснил он Меркулову, – думаю, за этим эльфийцем грешков водится порядочно. Какие, говоришь, у него особые приметы?

- Нос свернут, и глаз правый на половину прикрыт.

- Не иголка в стоге сена, сыщем, Витольд Львович, будь покоен. Ты давай, отдыхай со своим Михайло. Уж больно у тебя орк чудной, нам бы таких штук десять хоть помощниками городских низшего разряда, я бы во всех питейных быстро порядок навел. А потом народ и сам перестанет баловать, когда знает, что такая громила их... Эх, ладно. Нигде полукровок столько не возьмешь, да и там, – он показал пальцем наверх, – по голове не погладят. Так, Константин Никифорович, давай трех филеров, выписывай на них бумаги, и пусть дуют на пересечение Толмачевского и Никольского. Увидят этого эльфийца – за шкуру и сюда.

- Будет исполнено, Ваше превосходительство.

- Ну и ладно, – тяжело поднялся обер-полицмейстер и подошел к закрытому окну, – теперь идите, идите, я немножко передохну, и к великому князю.

Мих, когда Витольд Львович вышел, вскочил, призывно в глаза заглянул, но тот прошел мимо, даже головы не подняв. Так и вышли из полицмейстерства, побрели по мостовой в сторону дома, но опять же безмолвно.

- Господин...

- Позже, Михайло, – не слишком ласково оборвал его Витольд Львович.

Зашел за угол, и, потянув орчука за собой, побежал. Мих удивился, но послушно зашлепал босыми ногами по камням. Они завернули снова, и теперь Меркулов прижал его к стене, орчук

даже удивился невиданной силе, появившейся в руках господина. Витольд Львович прижал палец к губам, после чего расстаял в воздухе. Потомок кочевников чертыхнулся, но стал ожидать.

Катила мимо телега, запряженная неухоженной кобылой, бок которой сильно покусали оводы. Шли с фабрики несчастные, с чахоточными иссушенными телами приписные крестьяне, почти не поднимая ног и шаркая по мостовой худенькой обувкой. Ругалась непонятно на кого и неведомо за что зычным голосом баба в одном из домов, но по причине тщательной закрытости окон слова различить было сложно.

Обычная Моршанская жизнь, что разнится шумом в отличие от меры благонадежности района, но в целом никого не удивляет. Была, пока на соседней улице, с которой они с господином только свернули, не слышались звуки ссоры. Ни криков, ни причитаний, лишь возня, редкий стук и скрежет, что возникает лишь при драке.

Не удержался Мих, выглянул и обомлел. Стояли, вцепившись друг в друга, точно псы бойцовские, двое – титулярный советник в съехавшем на бок мундире и напротив него тот самый, Инкогнито. Плащ распахнут, под ним одежда вся такая же черная, сапоги из телячьей кожи, и лицо сплошь черное, в страшной гримасе застывшее. Не сразу догадался Мих, что не настоящий облик это, а всего лишь маска. Только успел понять, как все понеслось с невероятной скоростью.

Рванул Черный Меркулова на себя, резко и сильно, развернулся, подножку подставил и бросил, как мешок с мукой. Но и Витольд Львович оказался не лыком шит. Даром что худой и нескладный, но все ж магия дворянская свою роль сыграла. Хоть и пролетел несколько шагов, но в конце перекувырнулся и на ноги вскочил.

А Черный ждать не стал, рванул трость на себя, и в его руке уже клинок оказался – тонкий, длинной полосой на солнце играющий. Только по рукояти серебряной в виде льва и черной палке в другой руке, догадался Мих, откуда Инкогнито эту шпагу вытащил. Тот же уже машет: влево, вправо, снизу. И малость роста своего компенсирует проворностью необычайной. А Витольд Львович увертывается, но все время совсем уж в последний момент – вот-вот проткнет его Черный.

Не стал дожидаться орчук плачевного исхода. Рядом бочка стояла разошедшаяся, может, для нужды какой или без дела, разбираться не стал. Схватил ее Мих да бросил что было сил в спину опасного незнакомца. И вовремя. Тот изловчился и в живот господина пнул. Мало того, что ногу высоко задрал, так получилось еще дюже сильно. Витольд Львович отлетел и о мостовую головой приложился. Глядишь, еще мгновение, подскочит злыдень да вопьется в него своей шпагой. Да только тут и долетела бочка Миховская. Ладно приземлилась, с громким треском на щепы разлетаясь.

Мощи орчуку занимать не приходилось, Черный то на себе испытал. Растерял от удара и клинок, что о мостовую звякнул, и остаток трости полой от него, да сам отправился путешествовать кубарем еще дальше Меркулова. А Мих к хозяину сразу бросился.

- Вставайте, господин, вставайте.

- Не дай ему уйти, – схватившись за голову, сказал титулярный советник.

Поднял Мих голову, а нет уже никого. Люд прохожий только собираться стал. Смотрит, шушукается, кто-то негромко о городском говорит.

- Так нет никого, господин. Ушел этот Черный.

- Черт, - в сердцах выругался Меркулов. Он с усилием поднялся, подошел сначала к шпагетрости, потому к «ножнам» и сунул клинок внутрь, после чего раздался щелчок.

- Вот этим, Михайло, он Логофета и убил. Пойдем, пойдем, народ-то, смотри, собрался.

Они не без труда протиснулись через толпу, кто-то, из особо ретивых, а может попросту нетрезвых, попытался остановить их, но увидев мундир Витольда Львовича, покорнейше отступил. Позади, вдаль, не иначе как из самого Столешникова переулочка, раздался звук свистка - сейчас и городской подоспеет. Мих думал, что лучше уж дожидаться да объяснить все, но неведомая сила гнала Меркулова вперед, а орчук быстро шагнул за ним по пятам.

Уже отойдя порядочно и еще несколько попетляв по улицам, Меркулов остановился в малолюдном проулочке и согнулся, схватившись за грудь.

- Дайте я посмотрю, господин, - не требующим возражения тоном сказал орчук. Все недомолвки и обиды на Витольда Львовича вдруг позабылись.

Расстегнул мундир и обомлел. Чуть ниже груди виднелся багрово-красный отпечаток ноги, будто прошелся Черный по Меркулову всей тяжестью своего веса.

- К врачу надобно, господин, - нахмурился орчук.

- Успеется, просто сильный ушиб, - высвободился Меркулов из крепких рук Мухи и принялся застегиваться.

- Как же он вас так?

- У него на ногах какое-то странное приспособление, я слышал странный звук, когда он двигался, будто под большим давлением выходит пар.

- Да не про то я. Как ж он вас так? Я про дуэль не запомнил. А тут вы точно спящий были.

- Магия... - только и сказал Меркулов. - Я сначала невидимым стал, чтобы к нему подобраться. Заметил случайно, что идет за нами. Это сил много и отняло, потом когда драться стали, сам понял, что двигаюсь медленнее, да уже поздно было. Может то временно, пока полностью способностью Дашковых не овладею или всегда так будет, не знаю. Посмотрим. Меня другое интересует.

- Что?

- Он меня не убил. Было предостаточно возможностей, да и резвости ему не занимать, однако... Сдается мне, и не первый раз он за нами следит. Но и до этого никаких попыток не предпринимал.

- Ну так вы не вошь подзаборная, как-никак пристав следственный.

- Брось, Мих, - орчук заметил, что господин его первый раз так назвал, по-простому, - он Логофета, как свинью, зарезал, что ему какой-то пристав? Нет, тут нечто другое.

- Что же?

- Пока не знаю, но выясню, будь уверен. А пока...

Продолжать он не стал, лишь уверенно направился к оружейному магазину напротив. Зашел внутрь, и орчук последовал за ним. Лавка оказалась небольшого размера, да еще и темная, точно только и делали тут, что замышляли разночинные революции и заговоры.

- Орка с вами, Ваш благородие? - Неласково встретил их бородатый хозяин.

- Со мной.

- Скажите этому... чтобы оружие не трогал. У меня на их брата рука нервная.

Витольд Львович нисколько не смутившись, повернулся к орчуку и, едва заметно улыбнувшись, проговорил.

- Михайло, хозяин этого замечательного заведения с некоторым предубеждением относится к оркскому народу, поэтому постарайся лишний раз не нервировать его.

- Хорошо, господин, - кивнул Мих.

Оружейник от такого представления разыгранного аж рот раскрыл, но Витольд Львович быстро вернул его в конструктивное русло.

- Нужен револьвер.

Хозяин кивнул как старому знакомому, выставил руку вперед, дабы титулярный советник не продолжал, ибо он давно этим уже занимается и все понял. На прилавок были выложены четыре револьвера разного размера и калибра, после чего Меркулов продолжил.

- Недорогой.

Оружейник поморщился, но совсем неприметно, одним лишь уголком рта, и убрал два пистолета, после чего указал ладонями на товар.

- Славийский, - закончил Витольд Львович.

На прилавке остался лишь один огнестрел, самый невыразительный из всех четырех. Меркулов взял его в руку, вытянул ее, прицелился, покачал, а хозяин принялся нахваливать свой товар.

- Очень добротный револьвер для славийского. Вы же знаете, наши с западными не сравнятся, - начал он, но наткнувшись на холодный взгляд титулярного советника, да еще поняв по мундиру из какого он ведомства, поправился, - раньше не ровнялись, пока вот этот не появился. Не револьвер, сказка. Сорок четвертый калибр, пятизарядный, ударно-спусковой механизм самовзводный, по последней технике. Несколько отличий у него: например, ствол револьвера изготавливается отдельно от рамки, ввинчивается в нее с натягом, а потом гранится.

- Голтяковский, что ли? - Продолжал рассматривать пистолет Витольд Львович.

- Именно, - обрадовался хозяин, словно встретил старого друга, с которым можно хоть поговорить по душам, - великий мастер по части оружия. Слыхали о нем?

- Как не слышать? И сколько же стоит сие великолепие?

- Вообще девятнадцать рублей прошу, но вам уступлю за шестнадцать. Кобура к нему, опять же: натуральная кожа, новая. Все в цену включу.

Меркулов кивнул. Достал свое портмоне потрепанное, на которое стыдно смотреть было даже Миху, и зашуршал бумажками. Деньги у титулярного советника еще оставались, но орчуку, даже не заглядывая в кошель, стало понятно, что дело их труба. Сам Мих, знамо дело, отложенные деньги в потайной карман спрятал, на исподнем подшитый – самое надежное средство от воров. А дела Витольда Львовича давно уже и орчуковскими стали, потому к подобным внезапным и крупным расходам полукровка так ревностно относился.

- У меня к нему двенадцать патронов заготовленных есть, я вам так отдам, – высыпал содержимое хозяин на прилавок, – а ежели пороховница или капсюли нужны будут, вы приходите, по своей цене сторгуемся.

Мих не стал говорить, что порой «своих» так обдирают, что без штанов приходится бегать, но ему тут слова не давали. И так оружейник потеплел к господину, на том и остановимся. Витольд Львович кивнул, сказал, что «непременно зайдет, как только что понадобится», и они вышли прочь.

- Михайло, чего голову задрал?

- Лавку запоминаю, раз у нас теперь уступка здесь.

- И что? Далеко же от нас.

- Эх, господин, ничегошеньки вы не понимаете. За хорошей ценой можно и половину Моршана пешим пройти. Тем паче этот от службы всего в двух шагах. Ваше благородие, вы не говорили, что до оружия охочи.

- Да куда там, – усмехнулся Витольд Львович, пристегивая кобуру к поясу, – отец по отрочеству учил несколько раз стрелять. Общее представление имею, а так... – он неопределенно махнул рукой.

- Ну как же, сами сказали, револьвер голтяковский.

- Так на рукояти выгравировано «Николай Голтяковский, Суула», смотри, – продемонстрировал он Миху. – Я слышал только, что в Сууле оружейный завод открывали.

- Эх вы ловко, – изумился Мих, считавший в делах наживы хозяина давно потерянным, – три рубля отыграли у этого скопидомца.

- Да разве дело в деньгах? – Сразу разочаровал орчука титулярный советник. – Тут другое. Оружейник увидел во мне заинтересованного в своем деле человека. Отсюда и патроны выделил, кобуру вот справил. Сдается мне, за это мы бы отдельную цену еще выплатили. Да и не уверен я был, так, наобум сказал... Кстати, я бумагу у Его превосходительства запрошу, чтобы и тебе можно было револьвер носить. Купим побольше, под руку, генерийский или тризновский. Гоблинарские уж больно маловаты и дороги.

- Да Бог с вами, господин, какой мне револьвер, – смутился Мих.

В отношении к огнестрельному оружию орчук полностью оправдывал свое происхождение. К пороху, взрывам и выстрелам Мих испытывал животный страх, перемешанный с отвращением. Крепкие луки у кочевников распространенные, хотя многие и называли их подлым оружием, куда привычнее. А ежели взять в десницу топор или хотя бы секач кривой, что от плеча до бедра разрубает...

Конечно, в военном искусстве орчук не чета своим сородичам по матери был, папенька очень насилие не любил и всячески Миха от этого отваживал. Но пока в Орде жили, еще мальчишкой тренироваться пришлось. Ведь как у орков: только ходить научился, от титьки мамкиной оторвался, значит, копые махонькое, детское уже держать может. Побольше подрастет, ему уже меч тонкий и затупленный носить можно. А уже позже, когда пройдет орчонок черную ночь и получит дозволение мужчиной называться, тогда и секач разрешается в руки взять.

Мих-то сам только до меча детского дошел, когда уехали. Почитай, уж сколько годов в Империи среди людей прожил, а все равно прогресса всякого сторонился и к новому относился с большим предубеждением. Тем паче к револьверам. Неровен час еще в себя выстрелишь.

- Теперича куда, господин?

- Вообще надо Павла Мстиславовича навестить. Не удалось в полицмейстерстве с ним поговорить.

- Эй, извозчик, извозчик! - Мих поднял мощную руку, движение его было настолько уверенно и спокойно, что проезжавший мимо ванька не смог противиться орчуковской воле. - Прошу вас, господин, садитесь, - пропустил Витольда Львовича вперед, к пролетке.

- Любезнейший, - обратился Меркулов к мужичку с окладистой бородой и добротнo одетому, - отвези нас к особняку Аристовых, - титулярный советник не сделал паузу для ответа и спросил с некоторым нажимом, - или ты не знаешь, где это?

- Как не знать, Ваше благородие? - Возмутился ванька. - Домчу в лучшем виде, даже моргнуть не успеете.

- Вот этого не надо, - смотрел Меркулов, как орчук влезает в пролетку, - мы никуда не торопимся.

- Ловко, - вполголоса молвил орчук, как только они покатали вперед.

- Могло и не сработать, - ответил Витольд Львович.

Мих хотел еще что сказать, но тут Меркулов вытащил ту самую блестящую палочку поднятую. Теперь и разглядеть ее получилось лучше. Неровная, оплавленная, будто из капель застывших. Цвета грязно-желтого, с кусками то ли грязи, то ли угля прилипшего. И что такого могло в этой безделице внимание Витольда Львовича привлечь, раз он скрыл ее да с пожара унес?

- Как ты думаешь, Михайло, что это такое?

- Не знаю, господин. Финтифлюшка какая-то.

- Вот тебе и финтифлюшка. Это, Михайло, между прочим, Перо-вольница. Именно им Его Величество Константин Александрович подписал резолюцию об отмене холопства. Времени, конечно, с тех пор немало утекло, почти полторы сотни лет.

- Вот так так, - только и раззявил в удивлении свой огромный рот Мих.

- Именно. Перо из чистого золота, инкрустированное бриллиантами. Видишь, - показал он на черные крохи.

- Так какие то бриллианты, угли обычные.

- Не вполне. Это графит, - поправил его Витольд Львович. - Его часто называют черным или серебристым свинцом, порой карбидным железом. Это больше от невежества. Но все пустое, важно не это. Совсем недавно эти частички графита были бриллиантами.

- Быть того не может. Вы уж, господин, не взыщите, но не бывает так, чтобы драгоценные камни в уголь превращались.

- В графит, - поправил Витольд Львович. - У бриллиантов есть такое свойство. Под воздействием высоких температур они меняют свою структуру... Хм, забыл как это точно называется, читал об одном гоблинарском исследовании. Если очень упрощенно, то нагрей хорошенько бриллиант, получишь графит.

- Брехня, - все равно не поверил Мих. - Это что же, теперь бриллианты и на солнце нельзя выставлять?

- Нет, ты не понял. Ни одного пожара не хватит, чтобы до такой степени нагреть бриллиант.

- Что ж тогда, магия? Прав был Его превосходительство, Аристов руку приложил?

- Либо магия, либо нечто, моему разумению неподвластное. Наука на месте не стоит, Михайло. В любом случае, я хочу поговорить с Павлом Мстислововичем. Не так глуп он, чтобы при всех полицмейстерах, да еще Его превосходительстве запираяться, прикрывшись Приклонскими. Это ведь и проверить легко, да и руку даю на отсечение, Александр Александрович так и сделает.

- Странно тогда. Огнем ведь только Аристовы и владеют. Но ежели не они, кто тогда?

Меркулов лишь пожал плечами.

- Господин, у меня вопрос один.

- Спрашивай.

- Нам же вроде не наказывали пожаром этим заниматься. Глядите, как я понимаю, это же не шальное баловство, а все из ограбления того растет. А дело громкое.

- Молодец, Михайло, голова работает, - похвалил Витольд Львович, и орчук зарделся, как маков цвет. - Только мы с тобой по полицейскому ведомству служим, значит, какова наша задача?

- Какова? - Переспросил Мих.

- Все преступления и любые лиходейства пресекать или искать виновных и их суду предавать.

- Так разве я против что говорю, господин? Истинно так. Только не наша же забота, этим делом сам обер-полицмейстер занимается с господами.

- Есть у меня определенные подозрения. Но не хочу я их раньше времени оглашать. Вдруг напраслина окажется.

И замолчал. Раззадорил, подобно девке распутной, что сначала подол подымает зазывно, а потом о целомудренности начинает разговаривать. Мих и так подступался, и эдак, а Витольд Львович отмалчивается или разговор в другое русло уводит начинает. «Смотри, Михайло, дом какой чудной, флигель как сильно выступает» или «о, мужики ссорятся, как бы до драки не дошло».

А орчуку и дела нет до диковинной архитектуры или свалки рабочих тюх. Они, допустим, каждый вечер друг другу носы расквашивают, а следом в трактире вместе и напиваются. Бывает, влезешь в такую драку, так еще с двух сторон тебя и отметелят. Хотя с Михом, конечно, едва ли сдюжат, но чем черт не шутит, пока Бог спит. Господь же эту часть Моршана явно стороной обходил.

Сам все удивлялся орчук, неужто и вправду здесь Аристов живет? Непохоже как-то. От Кремля уже далеко отъехали, все приличные дома и особняки позади остались, даже купцов средних, коих и зажиточными назвать нельзя. Мироедов здесь немало, это тех, кто наемным трудом живет, но сами стараются рук не пачкать. Процентщиков и прочих заимодавцев тоже вдоволь, хоть топором головы их проряди (нашел несколько лет назад Мих обрывок толстого «Русского вестника», где и прочитал начало презабавной истории о молодом человеке, который бабку-лихоимщицу погубил, как раз древоколом. Чем кончилось, не узнал, на то журналы надо собирать, а уж куда ему. Но судя по названию, не ладным для парубка).

Уж думать начал орчук, не завез ли их ванька с дурной мыслью сюда? Но нет, сидит извозчик спокойно, без дрожи лошадежкой правит, нервно не оглядывается. Да и глупость это – никто подобным уж давно не промышляет. А уж двоих, да еще полицеских чинов, один из которых орчук размеров внушительных – только душевнобольной сподобится обобрать.

А когда вывернули на длинную широкую улицу, название которой Мих не знал, ибо сюда в жизни не захаживал, то совсем успокоился. Тут видно, живут люди небедные, за каким-то лядом в эту глушь забравшиеся. Даже Никольская, что улица дрянная, все же ближе к Кремлю, нежели эта.

Извозчик остановил у одного из самых внушительных домов: крупного, в три этажа, с горящим светом почти во всех окнах. Сразу понятно – аристократский, тот самый, что им нужен. Не жалеют на освещение Аристовы денег, как есть не жалеют.

– Приехали, Ваше благородие.

– Сколько с нас?

Извозчик замаялся, явно накинуть хочет, понял Мих. Но ванька его удивил.

– Ваше благородие, а вы случаем не тот самый Меркулов?

– Что за тот самый? – Насторожился титулярный советник. – А что?

– Да поговаривают в народе разное. Приехал, дескать, с самых Пустынных земель дворянин. Из древнего роду. Быстрее собственной тени шпагу достает, пули у него заговоренные, за двести шагов человеку в голову попадает. А кроме того, – ванька взглянул мельком на Муха, – постоянно при нем орк ручной. Тот вовсе из Ойн-иды в младенчестве вырван, из ханского сарая, во время последней с войны ордынцами и самим Меркуловым в православной вере воспитан. Орк энтот силы недюжинной, подковы гнет, лошадей поднимает и шпаги руками ломает.

– Я Меркулов, но молва много чего лишнего приписывает, – улыбнулся Витольд Львович. – Видишь, к примеру, Михайло явно старше меня. Как же я его воспитать мог?

– Так пусть не вы, – тут же нашелся ванька. – Сказано же Меркулов, может папенька ваш.

– Вот язык без костей, – вступился орчук. – Ну господин это, об нем и болтают. Я тебе больше

скажу, и половины правды в том нет. На деле... он еще опасней, магией особой владеет, что только приехал, так его сразу в полицмейстерство взяли.

- Михайло, - возмутился Витольд Львович.

Орчук пожал плечами и замолчал. Какая разница, пусть боятся. Лишнего страха мало не бывает. Раз уж они так приметны с хозяином стали. Зато лишний раз подумает лиходея какой, прежде чем к ним лезть.

- Ладно, сколько с меня? - решил прекратить разговор титулярный советник.

- Да что вы, Ваше благородие. Нисколько. Бабе своей расскажу, что ныне самого Меркулова свез.

По его горящим глазам было видно, что разболтает он не только бабе. Но Витольд Львович слова не сказал. Вылез вслед за Михом из пролетки и посмотрел, как извозчик, хлестнув лошадей, покатыл прочь.

- Михайло, тебя будто за язык клещами тянут.

- А что такого, господин, пусть болтают.

- Плохо, что болтают, - покачал головой Витольд Львович. - Мы с тобой по следственному и розыскному делу неприметны должны быть, - он окинул взором Миха, словно увидел его в первый раз, а потом добавил, - насколько это возможно. С другой стороны...

- Что с другой стороны? - понял орчук, что господин сейчас снова задумается и вовсе ничего ему не скажет.

- С другой стороны, как я понял, в Моршане забыли о причастности моего отца к заговору против императора. А вот это уже новость хорошая.

Витольд Львович стукнул тростью о камень, точно в доказательство своих слов, и направился к входной двери особняка Аристовых.

<http://tl.rulate.ru/book/9351/180038>